

А. К. МАТВЕЕВ (Свердловск)

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. XI

(Название озера Неро)

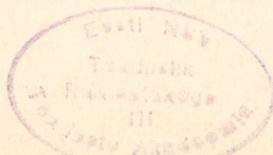
28. *Неро*. Название знаменитого озера Неро (Ростовское), на берегу которого уже более тысячи лет стоит древний русский город Ростов, давно привлекает внимание исследователей: именно здесь, по хорошо известным данным летописи (Повесть временных лет, т. I, Москва—Ленинград 1950, стр. 13), некогда обитала загадочная мера, поэтому есть основание и в названии озера видеть мерянский языковой реликт.

В статье, посвященной конкретной этимологической проблеме, нет смысла останавливаться на многочисленных попытках установить лингвоэтническую принадлежность меры: почти все финно-угорские народы — от прибалтийских финнов до угров — уже фигурировали в роли древних мерян¹, однако вопрос о лингвоэтнической позиции мерян остается открытым. Сложность его хорошо показана А. И. Поповым (Топонимика древних мерянских и муромских областей. — Географическая среда и географические названия, Ленинград 1974, стр. 13—28), который установил, что языковые элементы, интерпретируемые как мерянские, сопоставимы не только с марийскими и мордовскими, но и с прибалтийско-финскими, саамскими и пермскими данными. Таким образом, в настоящее время нельзя сказать ничего определенного о месте мерянского языка среди финно-угорских.

Предпочтительнее поэтому, пока мерянские географические названия не собраны достаточно полно, отказаться от глобальных сопоставлений топонимии древней мерянской области с тем или иным определенным финно-угорским языком и ограничиться этимологическим анализом отдельных ее элементов, которые с наибольшим основанием можно считать мерянскими. Название озера Неро — именно такой реликт.

М. Фасмер, на наш взгляд, правильно объясняет конечный *-o* в *Неро* как результат русской адаптации (M. Vasmer, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas III. Merja und Tscherschappen. — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften XIX, Berlin 1935, стр. 555—556), однако в подтверждение он приводит не очень яркий пример (русское просторечное *Непра-река* вместо *Днепр*). Есть намного более показательные и притом широко известные факты, ср. река *Волга*, но озеро *Волго*, зафиксированные уже С. Герберштейном (Записки о московитских делах, Петербург 1908, стр. 113), река

¹ Эта форма — отнюдь не нововведение, ср.: «Во времена же Кия и Щока и Хорива новгородстии людие и с ними словени, и кривичи, и меряны» (Устюжский Летописный Свод, Москва—Ленинград 1950, стр. 20).

Онега, но озеро Онего (Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державинным. — В. В. Пименов, Е. М. Элштейн, Русские исследования Карелии (XVIII в.), Петрозаводск 1958, стр. 162—163), реки *Водла*, *Ковда*, *Узерва*, но озера *Водло*, *Ковдо*, *Узерво* (Книга Большому Чертежу, Москва—Ленинград 1950, стр. 152—153).

В толковании названия озера Неро Фасмер строго следует своей «марийской» концепции и сопоставляет *Неро* с мар. *нер* 'мыс', букв. 'нос' (М. Vasmer, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas III. Merja und Tscheremissen, стр. 555—556). В южной части озера действительно есть далеко выступающий мыс, поэтому этимология Фасмера достаточно хорошо аргументирована.

Возражая Фасмеру, П. Равила сопоставляет *Неро* с морд. *нерь* 'нос, клюв; мыс' (P. Ravila, Merja und tscheremissen. — FUFAnz. XXVI 1938, стр. 19—26); семантика та же, только вместо одного финно-угорского языка выступает другой.

Т. Семенов связывает *Неро* с мар. *нөрö* 'сырой, влажный' (Т. Семенов, К вопросу о родстве и связи Мери с Черемисами. — Труды VII Археологического съезда в Ярославле II, Москва 1891, стр. 239). Эта этимология сама по себе тоже представляется приемлемой, поскольку семантические модели такого рода в гидронимии хорошо известны.

Некоторые исследователи, начиная с А. С. Уварова (А. С. Уваров, Меряне и их быт по курганным раскопкам, Москва 1872, карта), объединяют все многочисленные названия с начальным компонентом *нер-* (*Неро*, *Нерль*, *Нерехта*, *Нерская*, *Нерское* и т. п.), зафиксированные на обширной территории от Ярославской области до Костромской, с названиями с основой *мер-*, по крайней мере часть которых несомненно указывает на летописную мерю (*Меря*, *Мерский стан*, *Галич Мерьский* и т. п.). Сближение топонимов с основами *нер-* и *мер-* в принципе нельзя исключить, хотя этот фонетический разнобой не получил до сих пор рационального объяснения.

Наконец, названия с основой *нер-* интерпретируют, привлекая манс. *няр* 'болото' (Е. И. Горюнова, Этническая история Волго-Окского междуречья. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 94, 1961, стр. 128), однако о пребывании угров в мерянских землях нет никаких сведений.

Таким образом, возникает любопытная ситуация: есть целый ряд более или менее удовлетворительных этимологий гидронима *Неро*, которые исключают друг друга. Не означает ли это, что все они ошибочны и что происхождение компонента *нер-* в *Неро* остается загадкой?

Именно поэтому приходится вспомнить и о той, на первый взгляд, странной этимологии, которую в свое время, правда, в не очень четкой форме, предложил А. Погодин (А. P o g o d i n, Was ist Merja? — MSFOu LXVII, Helsinki 1933, стр. 328), а затем углубил В. Я. Евсеев (В. Я. Евсеев, Проблема летописной мери в свете фольклора прибалтийско-финских народов. — Происхождение марийского народа, Йошкар-Ола 1967, стр. 149—150). А. Погодин и В. Я. Евсеев стремились доказать, что этноним *меря* связан с фин. *meri* 'море'. Этой же точки зрения придерживается Ю. Мягистэ (J. M ä g i s t e, Merjalaisten kansallisuusiini ja merjalaisprobleemi. — Vir. 1966, стр. 114—120). Причем еще А. Погодин сопоставил название озера *Неро* с фин. *meri*, так же поступает В. Я. Евсеев.

Отнюдь не связывая этноним *меря* с фин. *meri* 'море' и другими прибалтийско-финскими данными, как делают А. Погодин, В. Я. Евсеев и Ю. Мягистэ, и вообще не затрагивая здесь сложный вопрос о первичной семантике этнонима *меря*, — это совсем особая проблема —, пола-

гаем, что этимология А. Погодина (*Неро* ~ фин. *meri* 'море') заслуживает серьезного обсуждения, хотя М. Фасмер о концепции А. Погодина (*меря* < *meri* 'море') отозвался весьма резко (М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка II, Москва 1967, стр. 606).

Поэтому в дальнейшем нас будет интересовать только одна сторона вопроса: может ли основа *нер-* в *Неро* отражать финно-угорское слово, выступающее и в фин. *meri* 'море'.

Прежде всего о семантике. Доказывая, что этноним *меря* связан с фин. *meri*, В. Я. Евсеев приводит обширный сравнительный материал из языков и фольклора различных финно-угорских народов, а также из русских летописей. Так, он указывает (стр. 149), что «... в современном карельском языке слово *meri* имеет несколько необычные значения. Морями называются реки и озера: карел, уходя рыбачить хотя бы на маленькое озеро, говорит непременно, что он идет на море. Мордовский фольклорист А. И. Маскаев пишет, что реки, в частности, Волга, в мордовских песнях называются морями (А. И. Маскаев, Мордовская народная этническая песня, Саранск 1964, стр. 217)».

И далее (стр. 150) В. Я. Евсеев высказывает предположение, что «у мерян слово *меря* «море», очевидно, имело такое же широкое значение, как, например, у карел, которые называют морем почти любой водоем. Устюжский летописец, подобно карелам, Суздальским морем называет ростовское озеро Неро».

К этому можно добавить, что русские называют морем Онежское озеро (Г. И. Куликовский, Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении, Петербург 1898, стр. 56) и что в астраханских говорах есть слово *морцо* 'большое соленое озеро' (В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка II, Москва 1955, стр. 346).

Таким образом, с точки зрения семантики гипотеза А. Погодина по крайней мере допустима. Фонетические различия А. Погодин устраняет, приводя два варианта субстратного названия Ростовского озера — *Неро* и *Меро*. В. Я. Евсеев также пишет, что озеро *Неро* «в народе» называется *Меро* (стр. 150).

Все эти факты весьма интересны, но недостаточны для подтверждения версии А. Погодина: распространенность семантического перехода 'море' > 'озеро' в различных языках сама по себе не доказывает, что мерянская основа *нер-* непременно означает 'озеро'. Надо найти путь убедиться в том, что перед нами действительно географический термин со значением 'озеро'. Кроме того, даже если форма *Меро*, которую приводят А. Погодин и В. Я. Евсеев без указания на источник, достоверна, необходимо рассмотреть вопрос о появлении инициального *н'* в *Неро* вместо ожидаемого *м'*.

Поскольку имеются основания считать, что название озера *Неро* — субстратный топоним, восходящий к географическому термину со значением 'озеро', а в то же время хорошо известно, что географические термины, выступающие в роли топонимов, часто повторяются, прежде всего следует проверить, нет ли у названия озера *Неро* каких-либо соответствий в топонимии смежных территорий.

Во-первых, в этом отношении представляет интерес название Галичского озера — *Нерон*, имевшее хождение в условных языках Костромского края (В. Д. Бондалетов, Офенские языки и ономастика. — Питание сучасної ономастики, Київ 1976, стр. 145). Этот топоним особенно привлекает внимание по той причине, что город Галич (на Галичском озере) в старину назывался Галичем Мерьским (А. И. Попов, Топонимика древних мерянских и муромских областей, стр. 15). Слово *Мерьский* столь же точно указывает на пребывание мери на Галичском озере, как и летописные данные о мерянах на озере Неро. При сравне-

нии названия *Нерон* с другими топонимами, зафиксированными в офенской ономастике (Галивон — Галич, Обон² — Сибирь; см. В. Д. Бондалетов, Офенские языки и ономастика, стр. 145), офенский «форматив» *-он* легко отчленяется³, и мы вновь получаем ту же основу *нер-*, что и в названии озера *Нер-о*.

Во-вторых, из озера Клешино (в настоящее время — Плещеево, Переяславльское), на котором, по данным русской летописи, тоже «сидела» меря (Повесть временных лет I, стр. 13), вытекает река *Нерль*, правый приток Волги (Нерль Волжская). Другая река с тем же названием *Нерль* начинается севернее озера Плещеево и впадает слева в Клязьму (Нерль Клязьминская). Хорошо известно, что одинаковые названия рек, которые сходятся истоками, в топонимии широко распространены: это связано с тем, что такие реки некогда использовались как единый водный путь с промежуточным волоком. И действительно: «Старинными путями в глубинные земли меря являлись правые волжские притоки — Нерль Волжская, соединяющая Волгу с Плещеевым озером, и Которосль, вытекающая из озера Неро. От озер Плещеева и Неро волоки вели на р. Нерль Клязьминскую и дальше на Клязьму — левый приток Оки» (П. Н. Третьяков, У истоков древнерусской народности, Ленинград 1970, стр. 128—129).

Названия Клешино и Плещеево явно имеют славянский облик, но как и другие крупные водоемы древнего мерянского края, это озеро ранее должно было иметь и нерусское (финно-угорское) название. Поэтому не будет слишком смелым предположение, что в названии реки Нерль отражено старое название озера **Нер*, и это мы допускаем с тем большим правом, что метонимический перенос названия озера на вытекающую из него реку (как и перенос названия реки на озеро) является общеизвестной топонимической закономерностью.

Что касается компонента *-ль*, а также *-ля* *-ляй(ка)*, отмеченного в некоторых гидронимах Ярославской и Владимирской областей (*Нерль*, *Поля*, *Покаляйка* и т. п.), то существует мнение, что это субстратный формант, родственный морд. *лей*, *ляй* 'река' (А. И. Попов, Топонимика древних мерянских и муромских областей, стр. 20—21). Трудно сказать, так ли это, поскольку нельзя исключить происхождение *Нерль* из **Нерj* и на русской почве. Обычно *л'* на месте *j* возникает после губных согласных (ср. *Ярославль*), но в субстратной топонимии отмечены аналогичные фонетические изменения и после других согласных, особенно *р*: *Мурлюга* из **Мурjуга*, *Верлюг* из **Верjуг*, *Юрлюга* из **Юрjуга* и т. д. (подробнее см.: А. К. Матвеев, Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Том I. Москва 1970, стр. 222—224). Однако для нас сейчас существенно не происхождение форманта, а то, что, отделив этот формант, мы опять получим основу *нер-*. Обоснованность такой процедуры подтверждается тем, что основа *нерль-* не встречается в других субстратных топонимах русского Севера и Волго-Окского междуречья (см.: Г. П. Смолицкая, Гидронимия бассейна Оки, Москва 1976).

Тот факт, что в бесспорно мерянских землях три наиболее крупных озера (Неро, Галичское и Плещеево) ранее одинаково назывались **Нер*, требует осмысления. Столь последовательное использование одного слова по отношению к определенным географическим объектам, а именно к крупным озерам, служит важным доводом в пользу предположения,

² Не от Обь ли?

³ Ср. еще *базарон* 'базар' в жгонском условном языке (Костромская область, полевые материалы Севернорусской топонимической экспедиции Уральского университета им. А. М. Горького, 1977 г.).

что лексема **ner* (**ñer*, **mer*, **ñer*?) в мерянском языке выступала в качестве географического термина со значением 'большое озеро; море'.

Это позволяет нам активно поддержать этимологию названия озера *Неро*, намеченную в работах А. Погодина и В. Я. Евсеева, и сопоставить гидроним *Неро* (мерянское **ner*, **ñer*, **mer*, **ñer*) с фин. *meri* 'море', кар. *meri*, ливв. *meri*, люд. *meri*, *meri*, 'море; (редко) озеро (особенно Онежское)', вепс. *meri*, *mör* 'море (также Онежское озеро)', вод., эст. *meri*, лив. *me'r* 'море', саам. (Луле) *mårra*, норв. *mærrå*, (Инари) *mērrå*, (Колтта) *mierrå*, (Кильдин, Йоканьга) *mierr* 'море' (SKES II 341).

Семантический сдвиг в мерянском языке ('море' > 'большое озеро') легко объяснить тем, что земли, занятые мерей, были удалены от настоящих морей. Любопытно в связи с этим, что пельымские и кондинские манси, также жившие весьма далеко от моря, регулярно употребляли слово *soqrēs* (конд.), *sqārš* (пельым.) 'море' и по отношению к очень большим топким болотам в междуречье Пелыма и Конды, откуда в местных русских говорах Припелымя появилось слово *сарча* 'очень большое болото' (см.: А. К. Матвеев, Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. — Ученые записки Уральского университета им. А. М. Горького, вып. 32, Свердловск 1959, стр. 72). Впрочем, отнюдь нельзя исключить, что словом **ner* (**ñer*, **mer*, **ñer*) меряне обозначали и далекие от них моря. Вообще, мнение В. Я. Евсеева о том, что мерянское слово было столь же широко по семантике, как и соответствующее карельское (ср. выше), многое объясняет, однако вряд ли этот мерянский географический термин применялся по отношению к небольшим озерам: уже твердо установлено, что как в мерянском, так и в других родственных ему финно-угорских языках Севера и Волго-Окского междуречья для этого использовалась лексема, отраженная в русской топонимии в виде *явр*, *ягр*, *-хра*, *-гра* и т. п. (см.: А. К. Матвеев, Топонимические элементы *явр*, *ягр*, *явр* (озеро) на русском Севере. — Известия Академии наук СССР. Серия географическая, 1965, № 6, стр. 17—22; Г. П. Смолицкая, Субстратная гидронимия бассейна р. Оки. — Ономастика Поволжья, 3, Уфа 1973, стр. 246—247; А. И. Попов, Топонимика древних мерянских и муромских областей, стр. 18—19). Поэтому логичнее предполагать, что **ner* (**ñer*, **mer*, **ñer*) прилагалось в мерянском языке только к сравнительно крупным водным объектам ('большое озеро; море').

Небезынтересно, однако, следующее извлечение из древнерусской грамоты 1620 г.: «Озеро Нерское под старым селом Озеретцким..., а из Нерского озера речка вышла Долгуша да впала в реку Яхрому» (Акты феодального землевладения и хозяйства III, Москва 1961, стр. 103). Здесь субстратные основы *нер-* 'большое озеро', *явр-* 'озеро' и русский топоним *Озеретцкое* (<озеро) четко коррелируют, и это также поддерживает предложенную этимологию, хотя озеро Нерское не является столь уж значительным водоемом.

Остается объяснить наличие *н'* вместо ожидаемого *м'* в аналауте субстратной основы. Как уже было указано, А. Погодин и В. Я. Евсеев наряду с *Неро* приводят и форму *Меро*, однако без ссылки на источник, так что эта форма вызывает определенные сомнения. Вариант офенского названия Галичского озера с начальным *м'* («Город Галивон, озеро Мирон, а люди кривизна», см.: Н. Н. Виноградов, Галивонские алеманы. Условный язык галичан. — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. XX, кн. I, Петроград 1915, стр. 228) вполне может оказаться народной этимологией. Тем не менее нельзя совершенно исключить, что русские формы *Меро* (если она действи-

тельно существует) и *Мирон* (? < **Мерон*) отражают более древнее состояние основы топонимов *Неро*, *Нерон*, *Нерль*.

Если это не так, то перед нами довольно трудная задача. Разумеется, проще всего объяснить появление *н'* на месте *м'* комбинаторными изменениями, которые произошли при усвоении субстратных топонимов русским языком. Мена *м'* ~ *н'* в заимствованных и деэтимологизированных словах в русском языке наблюдается довольно часто, но обычно *н' > м'*, реже *м' > н'*: *Никита > Микита*, *Никола > Микола*, *нергач* 'мелкий окунь' > *мергач*, *негла* 'лиственница' > *мегла*, *недотка* 'вид бредня' > *медотка*, но *Мефодий > Нефёд*, *мегден*, *мегдым* 'обский чебак' > *негдым*, *мерда*, *мёрда*, *мерёда*, *мерёта* 'верша' и *нерёт*, *нерёто*, *нерото*, *нерётка* то же; ср. еще *пескозоб* 'пескарь' > *бескозоб*, *мескозоб* и *нескозоб*; *вёрша > мёрша* и *нёрша*. Учитывая все эти, а также другие факты, можно допустить, что и в случае *Меро > Неро* произошла дистантная ассимиляция по месту образования по формуле *м'—р > н'—р* (губной — переднеязычный > переднеязычный — переднеязычный). Этому процессу могло способствовать воздействие многочисленных русских слов с начальным *не-*, ср. аналогичное явление и в других славянских языках: рус. *медведь*, но польск. *niedźwiedź* (диал. *miedźwiedz*), чеш. *medvěd* и *nedvěd*.

Трудность, однако, состоит в том, что на русской почве почти невозможно допустить абсолютно одинаковое фонетическое развитие по одной формуле *м'—р > н'—р* в трех различных топонимах *Неро*, *Нерон* и *Нерль*. Отсюда, казалось бы, следует вывод, что рассматриваемый переход произошел еще в мерянском языке. Между тем хорошо известно, что ф.-у. **t* относится к самым устойчивым звукам и в начальном положении сохранился во всех финно-угорских языках (Основы финно-угорского языкознания, Москва 1974, стр. 131). Отдельные исключения (ср. фин. *täyry* и мар. *perpe* 'барсук'; см. SKES II 361) не изменяют общей картины.

Как же объяснить постулируемый переход *м' > н'*? Есть такая возможность: некогда в местных русских говорах, во всяком случае в период русско-мерянского двуязычия, существовал заимствованный из мерянского языка географический термин с основой *мер-* 'большое озеро', которая затем уже в русском языке изменилась в *нер-*. Позднее термин был забыт, но сохранился в субстратной топонимии (о типах бытования географических терминов в субстратной топонимии см.: А. К. Матвеев, Типы бытования географических терминов в субстратной микротопонимии Русского Севера. — Местные географические термины. — Вопросы географии 81 1970, стр. 106—119).

Это предположение поддерживается существованием в русских говорах, распространенных на старой мерянской территории (владимирских, московских, нижегородских), слов *нерёт*, *нерёто*, *нерото*, *нерётка* 'верша', которым в севернорусских говорах соответствуют *мерда*, *мерёда*, *мёрда*, *мерёта*, заимствованные из прибалтийско-финских языков, ср. фин. *merta*, кар. *merda* 'верша' (J. Kalima, Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki 1919 (MSFOu 44), стр. 164—165).

Возможно, что *нерёт*, *нерёто*, *нерото*, *нерётка* так же, как и названные озера *Неро*, представляют собой субстратные включения из мерянского языка или каких-то других близких к нему финно-угорских идиом. М. Фасмер рассматривает *нерёт*, *нерёто*, *нерото*, *нерётка* как славянское наследие (М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка III, Москва 1971, стр. 65). Представляется, однако, что более правы А. Г. Преображенский (Этимологический словарь русского языка I, Москва 1958, стр. 525), Я. Калима (Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen, стр. 165), А. И. Попов (Из истории лексики языков Восточной Европы, Ленинград 1957, стр. 18—19), которые не считают воз-

можным отрывать *нерёт*, *нерёто*, *нерото*, *нерётка* от *мерда*, *мерёда*, *мёрда*, *мерёта*. Наличие в белорусском и украинском языках слова *нерет* с тем же значением не является аргументом против этого сопоставления, так как освоение мерянской лексемы должно было произойти в древнерусский период.⁴

Допуская, что *н'* в группе слов *нерёт*, *нерёто*, *нерото*, *нерётка* возник из *м'* уже на русской почве вследствие комбинаторного изменения того же типа, что и в *Неро*, не следует, конечно, полностью исключать возможность подобного развития, хотя бы в ограниченном количестве случаев, в самом мерянском языке: подтвердить или отвергнуть это предположение могут только новые факты. Постулируемое некоторыми исследователями отражение этнонима *меря* в основах этнопонимов не только как *мер-*, но и как *нер-* приобретает в этом свете определенную привлекательность.

Открытым остается вопрос о наличии в языке-источнике гласного второго слога (поскольку по тем данным, которые находятся в нашем распоряжении, это невозможно установить) и вопрос о палатальности начального согласного: при адаптации субстратных топонимов звуки *м* и *н* в русском языке перед *е* всегда смягчаются, в то же время отмечен случай смягчения *т* в соответствующей лексеме и в одном из саамских диалектов, ср. саам. Аккала *m̄er* 'море', а также *m̄ek* 'меч', *m̄er* 'мир' и т. д. (Т. I. Itkonen, Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja I, Helsinki 1958, стр. 253, 250, 256).

В заключение заметим, что В. Н. Топоров приводит для подмосковных названий *Нерская*, *Нерское*, *Нерпское* балтийские параллели типа *Neris*, *Ner̄ys*, *N̄erotas*, *Ner̄inis*, *Neret̄a*, *Neret̄l̄e* *N̄erka* (В. Н. Топоров, «Baltica» Подмосковья. — Балто-славянский сборник, Москва 1972, стр. 242). Но он проявляет необходимую осторожность: «Ср., однако, оз. *Неро* далеко на сев.-вост. у Ростова» (там же, стр. 243).

⁴ Трудно сказать, как возникли другие слова той же группы (*норот*, *нарата*, *нарёта*, *нарта* 'верша'), засвидетельствованные в смоленских, тверских, рязанских говорах, ср., однако, *морда* 'верша' наряду с *мерда*. Кроме того, известно, что в некоторых русских диалектизмах финно-угорского происхождения в соответствии с приб.-ф. *е* находим *а* (см.: А. К. Матвеев, Об одной фонетической особенности севернорусских апеллятивных заимствований из финских языков. — Вопросы советского финно-угроведения. Тезисы докладов и сообщений, Саранск 1972, стр. 18—19). Наконец, надо иметь в виду вост.-латыш. *nor̄is* 'вид сети', литов. *n̄artas* 'угол' (М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка III, стр. 65). В любом случае обилие фонетических вариантов является одним из доводов в пользу заимствования данной группы слов русским языком из какого-либо иноязычного источника или источников.

А. К. MATVEJEV (Sverdlovsk)

TOPONYMIC ETYMOLOGIES. XI

(The name of Lake Nero)

The author proves that the name of Lake Nero (the district of Jaroslavl') comes from the Merja language. This substratal hydronym is kindred with the Finnic appellative *meri* 'sea'.